

Сборник 3. Короткие рассказы

ЯКОВ ШЕЛЛЬ

16+

ЯБЛОКО

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

Яков Шелль

Яблоко. Сборник рассказов

«Автор»

2017

Шелль Я.

Яблоко. Сборник рассказов / Я. Шелль — «Автор», 2017

36 коротких рассказов-размышлений о разных жизненных ситуациях. Книга будет интересна большому кругу читателей. Каждый найдет в ней "свой" рассказ, который всколыхнет глубинные струны его души. Одни рассказы ироничные, другие веселые, третьи грустные, четвертые задумчивые. Есть рассказы длинные, есть совсем короткие. В сборник включена также историческая повесть «Знак палача».

© Шелль Я., 2017

© Автор, 2017

Содержание

Обаятельный гость	5
Море	9
Клятва	11
Не встреченная любовь	14
Исповедь ведьмы	17
Щепка	19
Крупный выигрыш	21
Не	23
Голод	24
Хорошие мужчины	25
162 59 Анкета для ищущих квартиру в наем	26
Яблоко	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Яков Шелль

Яблоко. Сборник рассказов

Обаятельный гость

Вера выглянула в окно кухни и увидела, как во двор въехал черный вместительный БМВ и остановился на площадке для парковки. Дверь открылась и из машины вышел мужчина в светлой рубашке и темных штанах. Это был долгожданный гость, друг детства мужа, Евгений. В одно мгновение Вера оценила гостя: мужчина лет 50, высокий и статный, большие карие глаза, крепкий подбородок, темные волосы, белая рубашка и загорелые руки. В них он держал большой букет красных роз.

Она вытерла руки, испачканные мукой, о фартук, который она надевала, когда катала тесто, и пошла в прихожую, чтобы впустить гостя.

Он вошел, протянул ей букет и широко улыбнулся, даже не улыбнулся, а ослепил ее широкой улыбкой:

– Вот какая у Вани жена! – сказал он и бесцеремонно оглядел ее всю до самых босых ног. – Таку не стыдно соблазнить! Совершенно в моем вкусе!

– Соблазнять жен своих друзей Ваша основная специальность или побочная, между делом? – спросила она, пораженная его открытостью и простодушием. Или это была просто наглость?

– Соблазнять красивых женщин разве профессия? – искренне изумился он и снова оглядел ее до самых ног и задержал взгляд на ее большой груди, выпиравшей из под тонкого свитера. – Это же порыв души, праздник чувств! Что тут неясного? Обижаете, мадам!

– Проходите, – пригласила она гостя, – я на кухне, занимаюсь тестом, хочу испечь пирог!

Гость снял легкие туфли, прошел за ней на кухню и сел на стул сбоку большого стола, на котором стояла кастрюля с подошедшим тестом. Она наполнила холодной водой вазу, поставила в них цветы и обернулась к гостю.

– А какая же у Вас профессия? – спросила Вера, переводя дыхание. Она была шокирована. Она была растеряна и не знала даже, что и думать. В его наглости есть какое-то откровение, и простодушие, и даже ...обаяния, подумала она.

– Сейчас все торгуют независимо от профессии и образования, – ответил гость и уставился на нее, наблюдая, как она замешивает тесто. – Я тоже торгую. Произведениями искусства. Антиквариатом.

Она чувствовала каким-то образом его откровенный, изучающий, оценивающий взгляд и наблюдала одновременно за собой, как в ней самой поднимается откуда-то снизу теплая волна и разливается по ее телу; это была очень приятная волна, летняя, благодатная, волшебная...

– Вы надолго в наши края? – спросила она с вызовом, – может планируете сходить в театр? Может у Вас есть намерение хлопнуть в ладоши местной прима-балерине?

– В театр я не хожу, – простодушно ответил он. Похоже, простодушие было его основным элементом души. Может она только из нее и состояла и была тем поводом, который вел его по жизни. – Книги тоже не читаю, – на всякий случай добавил он. – А Вы, такая обворожительная женщина, похоже, по своему шарму и фигурке, любите постель! Любовные игры!

Она снова обомлела от его слов! Это было уже слишком, хотя и правдой! Да, правдой! Но кому какое дело! Но мало ли кто что говорит. Не запретишь! Это как-то приятно слышать, и вместе с тем противно, даже отвратительно... Все таки наглости ему не занимать.

– Похоже немного на то, что я Вам нравлюсь! Как жена Вашего друга. Дружественно! – сказала она и переменяла позу. Поза переменялась оттого, что теперь она стала раскатывать

тесто и потому ее тело стало ритмично двигаться от положения стоя к положению вперед. Она стала ритмично двигаться вперед и назад.

Гость не отрывал от нее взгляда.

– Нет, – сказал он просто, – Вы вызываете у меня совсем другое чувство, далеко не дружественное, а наоборот, дерзкое и властное. Я бы с удовольствием затащил Вас в Вашу спальню!

Она лишилась дара речи. Какое-то время она механически и бессмысленно катала тесто и раскатала его уже до тонкости блина, но продолжала катать, то есть двигаться, и молчать. Она сейчас справлялась с тем огнем, который обжег ее изнутри до самого лица. Ее прелестное лицо озарилось светом.

– А что скажет мой муж, если ему рассказать, что Вы желаете в спальне положить меня, его жену, на спину? – Наконец пролепетала она.

– Иван меня знает. Он меня так хорошо знает, что если ему рассказать, что я хочу Вас затащить в постель, он бы не удивился. Наоборот! Он бы удивился, если бы я этого не хотел проделать с Вами. Он бы даже огорчился и расстроился. Это бы означало для него, что я сильно изменился, даже постарел, потерял былую прыть, что мой огонь погас, что я превращаюсь неумолимо в старика, нудного и желчного! Он бы разлюбил меня, как своего лучшего друга, перестал уважать.

– Но, если ему рассказать, что Вы затащили меня в спальню и положили на спину, что бы он сказал обо мне, *зная меня*?

– Зачем ему думать о Вас, если он хорошо знает меня? Вы меня удивляете, Вера, наивными вопросами. Он прекрасно знает, что я своего всегда добиваюсь, и что женщина здесь совсем не при чем. Ее сопротивление моего шарму практически равно нулю. Иначе я – не я. Таким образом, *зная меня*, ему никогда не придет в голову плохо подумать о Вас, а тем более упрекнуть в неверности, или, тем более, что Вы этого хотели даже больше, чем я!

– Вы, похоже, просто бабник! Совершенно наглый тип!

– Не злите меня, Вера! Иван лучше думает обо мне, чем Вы. Он считает, что я совершенно неотразимый тип мужчины!

– Вы гадкий, жалкий, отвратительный тип! – закричала она и отметила, что ей каким-то странным образом приятна его наглость.

Он поднялся со своего стула и стал расхаживать по кухне. Она замерла, не глядя на него и чувствуя, что он искоса посматривает на ее профиль, и на этом профиле с удовольствием отмечает ее выступающую вперед грудь под тесным свитером. Он отмечает это с удовольствием, чувствует она, ему нравится большая грудь. И она тоже с удовольствием понимает, что у нее большая грудь, которая ему нравится. Невольно она затаивала дыхание и чуть замирала, когда спиной чувствовала, что он проходит мимо. Да. Мимо. Все мимо. Ходит сзади, как маятник. Но вот! Кажется, он все таки остановился!

– Когда придет Иван? – спросил он, стоя где-то позади нее. Она полуобернулась и увидела, что он смотрит в пол и о чем-то думает. У нее красивые, стройные, крепкие ноги, думал он.

– Он может и не придти ночевать, это у него бывает, то ли операция ночью, то ли какое-нибудь общественное мероприятие, – ответила она, все еще во власти своих удивленных мыслей. Муж сказал, что сопротивляться даже бесполезно! Это он такого мнения обо мне, думала она, это он так уверен во мне? Но это ведь не зависит от его *мнения*, это ведь только моя воля, мое собственное желание, мой иммунитет к чужим мужчинам с их отвратительным обаянием! Как можно за меня решать, если я сама еще не решила, уступлю я или нет, чувствую ли я это его проклятое обаяние или мне все побоку?!

Она прислушалась к себе и к своему изумлению почувствовала, что да, ей каким-то странным образом приятен этот совершенно высокий, загорелый, плечистый, самоуверенный

мужчина. Пожалуй, она была бы не против, если бы он остановился, пока мотается сзади, остановился, протянул руку...

Нет, это возмутительно, снова завелась она, пока гость расхаживал за ее спиной, решать за меня, отдамся ли я первому встречному, или сохраню целомудренность во имя... во имя... Да! Кстати! Во имя чего сохранять верность? Ради мужа, который заранее уверен, что я уступлю и уже не волнуется по этому поводу, принимает это спокойно, как уже свершившийся факт, и, стало быть, никогда не упрекнет!

Подойдет ближе или нет, положит руку?

Гость снова вернулся на свой стул и посмотрел на ее профиль лица и груди.

Нет, победа ему дастся нелегко, снова завелась она, видя, что гость спокойно сел. Нет, это будет тяжелая затяжная битва! Он истечет кровью и желчью, прежде чем достигнет хотя бы первого окопа! А дальше, а дальше еще много, очень много у нее окопов!

Зазвонил телефон. Вера подняла голову от своих ироничных, воинственных мыслей, вытерла руки о фартук, пошла в прихожую и сняла трубку.

Звонила давняя подруга Ольга, довольно бестолковая и суетливая женщина.

– Верочка, подскажи, нужно ли класть гвоздику в глинтвейн и сколько ее туда сыпануть?

– Конечно, Ольга, нужна гвоздика и...

Она поперхнулась и замерла, когда почувствовала, как большие теплые руки гостя погладили ее спину, скользнули вниз по свитеру, затем забрались под тонкий свитер, заскользили наверх и замерли на ее полной большой груди.

...и кроме гвоздики еще надо корицу, – продолжила она через несколько мгновений и, чтобы Ольга не поблагодарила и не повесила трубку, она решила развернуть эту тему вширь:

– Глинтвейн, Олечка, тем и хорош и приятен, когда он наполнен специями, тогда он благоухает и источает приятные, удивительные ароматы и вкусовые качества! Пить его в новогоднюю ночь очень приятно и полезно, он согревает и проникает во все поры организма и согревает душу...

Пока она говорила по телефону, она прислушивалась к своим ощущениям и словно говорила не Ольге, а его теплым, большим рукам:

"Крепкие мужские тем и хороши и приятны, когда они наполнены любовью и нежностью, тогда они благоухают, источают приятные удивительные ощущения. Пить эти ощущения в Новогоднюю ночь очень приятно и полезно, они проникает во все поры организма и согревает душу..."

Ленивая, рыхлая Ольга хмыкнула, буркнула "спасибо" и положила трубку. Ничего она делать не будет, ей, толстой и довольной жизнью, хорошо и без глинтвейна, ей раскочаться тяжелее, чем ничего не делать.

Вместе с окончанием разговора Вера почувствовала, как теплые большие руки обаятельного гостя тоже словно закончили разговор с ее большой пышной грудью, а потом отделились от нее и ушли.

Ей внезапно стало грустно. Молчала трубка телефона, которую она все еще держала в руке, ушли его руки, хотя грудь еще хранила их тепло, замерла душа. Все стихло в ней. Снова набросилась на нее пустота. Она заплакала, слезы хлынули из глаз, она снова стала одинокой, какой была все эти годы замужества, снова пустота охватило ее с головы до ног. Муж был очень доволен своей жизнью, он насытил ее любимой работой, всякими общественными мероприятиями, встречами с друзьями, и, придя домой, делился с женой всеми событиями и делами, гордо и самодовольно, не замечая, что в ее глазах все больше пустоты. Даже в постели она была для него просто одним из мероприятий, которое доставляло ему удовольствие, и она совершенно отчетливо это чувствовала. Никогда она не была так одинока, как вдвоем с мужем.

Она вытерла слезы углом фартуком, немного успокоилась, вернулась на кухню и взялась за скалку, чтобы продолжить катать это дурацкое тесто, чтобы потом положить в него начинку,

чтобы потом его запечь, чтобы... чем-то себя занять, хоть на какое-то время отстранить от себя одиночество, почувствовать себя занятой, нужной.

Гость сидел на стуле. Она снова почувствовала, что он смотрит на нее. Но его взгляд изменился. Она ясно чувствовала, что он смотрит не на ее загорелые ноги, не на выпирающую из свитера грудь, он смотрит на ее лицо.

Он смотрел на ее лицо и думал. Он чем он думает, подумала она и вздохнула.

– Я хочу Вам предложить, Верочка, отправиться со мной в путешествие! – сказал он.

– Куда? – безучастно спросила она, не оборачиваясь.

– Неважно. Далеко.

– А через неделю – другую привезете меня назад. Оставьте здесь. И снова поедете торговать?

– Нет, мы отправимся совсем в другое путешествие. В путешествие, в котором двое людей всегда вдвоем.

– Это же очень долгое путешествие! – задохнулась она от внезапной слабости в ногах. – Это же путешествие на всю жизнь!

– Вот именно – кивнул серьезно обаятельный гость, глядя на нее во все свои добрые, красивые глаза.

– А когда поедем? – тихо спросила Вера и села на свой стул.

– Сейчас! – сказал гость. – Я помогу Вам собраться.

Она кинулась собираться. Она внезапно ему поверила. Простодушие обаятельного гостя было верным признаком его искренности и серьезности. Все, о чем он думал, или чего желал, простодушие выкладывало ему на язык. Это был верный товарищ, он был искренним, ему можно было верить. Он не привезет ее через неделю назад и высадит у порога, как законченное мероприятие. Это будет путешествие в мир вдвоем!

Gotha, den 17.12.2017

Море

...Из Ливерпульской гавани
Всегда по четвергам,
Суда уходят в плавание
К далеким берегам...
Новелла Матвеева

Большой, красивый, белый парусник стоял на якоре в Ливерпульской гавани. Она была в него безнадежно влюблена, такой белый, такой высокий, такой потрясающе красивый! Она с тоской думала о том времени, когда он отдаст концы и уйдет в плавание, к другим берегам, к чужим гаваням и, может влюбится в одну из них. Но красавец-парусник не обращал на влюбленную в него гавань никакого внимания. Она была для него чем-то скучным, неинтересным, в ней ничего не менялось годами, от нее пахло прочностью, незыблемостью и неизменностью. А ему хотелось перемен! Море страстей! И он нетерпеливо поглядывал на бескрайнее, великолепное, зовущее, зыбкое море на своей спине!

И вот в четверг, ровно в полдень из Ливерпульской гавани вышел этот парусник в открытое море и направился в сторону Гавайских островов. А поскольку он был большим, красивым, белым парусником, то не было ничего удивительного в том, что он тоже так считал, что он очень красивый и потому, разрезая носом бирюзовые воды моря, он любовался собой и снисходительно и вместе с тем ревнивым взглядом поглядывал вокруг: все ли любят им – эти удаляющиеся берега, эти провожающие люди на берегу, эти чайки за кормой, это огромное солнце над головой, эти изумрудные воды под килем, этот свежий ласковый бриз.

Так он плыл в другую гавань, уже берег с провожатыми исчез из виду, уже отстали чайки, затих ветерок, потускнело вечернее солнце... почти никого не осталось из тех, кто мог бы им любоваться и не сводить с него, красавца, чудесного парусника, восхищенного взгляда. Оставалось только море... и оно ласково билось своими прозрачными зелеными волнами о его высокие сверкающие борта. Ах, море! Оно, наверное, было в него влюблено! О! Конечно! Как можно не полюбить такого сильного, высокого, красивого покорителя морей!

И корабль стал играть с морем в любовную игру, он менял галсы, он кренился набок, он вдруг опускал паруса и дрейфовал, он поднимал паруса и кружил на месте... И море отвечала на его игру своей игрой – оно все сильнее жалось к нему, все выше поднимала свою волну и ласкала его до самого верха и окутывала миллионами пенистых брызг; кораблик хохотал он восторга, море смеялась в ответ тучей изумрудной пены!..

Но внезапно что-то произошло, морские волны становились все выше, иная из них уже могла достичь палубы, другая волна была еще выше, и чем выше становились волны, тем глубже опускался кораблик в глубину между ними. Море влюбилось в корабля, теперь всю силу своей страсти она обрушивала на него, будто желая обнять его всего, прижать к сердцу, ласкать и баюкать в волнах, забрать к себе, на дно, в пучину, чтобы он навсегда остался с ним, с морем и не принадлежал больше никому, никому, только ему, морю, его страстной любви и нежности!

Белый красавец – корабль вдруг испугался; глядя на разбушевавшееся море, глядя на эти жуткие страсти, эту глубину, пучину морских чувств, он теперь пожалел, что своей игрой навлек на себя эту бездну. А ведь он хотел только поиграть, покрасоваться, порезвиться, потешиться... *Но влюбить в себя море?! О! Нет! он этого не желал! Зачем ему эта глубина? К чему такие страсти? Кораблям нужна спокойная морская гладь, ну, может быть легкая, ласковая зыбь. Но не больше того! Ни к чему красивым кораблям бушующие волны страстей! Корабли созданы только для того, чтобы использовать море, как средство, чтобы по нему плавать, а не для любви, и тем более, не для такой жуткой, неукротимой, губительной любви!*

Корабль в ужасе поднял все паруса и на них помчался к спасительному берегу! Берег, берег, вот что могло его спасти от влюбленного моря. На берегу всегда спокойно, на берегу ничего не происходит, берег – эта твердыня и равнодушие, об которую разбиваются любые страсти... Это вдруг очень захотелось в спасительную, влюбленную в него гавань, к ее незаблестимости, к ее уверенности, к ее спокойствию... И вот он уже близко, спасительный берег! Волны бежали за ним следом, они не могли с ним расстаться, они плакали и стонали за бортом и удерживали его всеми силами; но вот показался берег, какое-то низкое место среди скал, и он, красавец – кораблик вылетел на берег, опрокинулся на бок и остался лежать на отмели, тяжело дыша...

Море еще долго бушевало невдалеке, словно не могло поверить, что его любимый корабль его покинул, бросил, что не нужна была ему его любовь; оно звало его к себе, в свою пучина, в свои объятия, но, наконец, обессилев, оно, словно что-то поняв, успокоилось и откатилось в слезах...

Корабль, – большой, красивый, высокий, – лежал сейчас помятый, жалкий, потрепанный на чужом берегу...

Корабли не любят глубины; она для них губительна; им больше по душе скользить по поверхности...

23.2.12

Клятва

Ему было 20 лет, когда они познакомились на вечеринке у ее родителей, отец Игоря был заместителем мэра города, мать работала в больнице старшим врачом. Вера была на 3 года старше, и, увидев восхищенный взгляд высокого юноши с большими глазами и темными волосами, крепким сложением, от отца, она сразу все поняла. Она знала себе цену. Невысокого роста, с тяжелой грудью, пушистыми волосами и серо-голубыми глазами, она знала чего хочет и только выжидала, когда выпадет ее шанс. Игорь учился в университете на юридическом факультете на 4 курсе. Если взять во внимание еще и его родителей, и собственный дом, и две машины, и один дом для сдачи внаем, и солидные заработки – Игорь был выгодной партией.

Через две недели Верочка пригласила Игоря домой, родителей не было, она была достаточно опытной, чтобы привести серьезного, но еще наивного Игоря в восторг и восхищение! Он был просто влюблен в нее, он не отрывал от нее взгляда, он впитывал ее в себя, в то время как она подсчитывала в уме все выгоды их знакомства.

Спустя неделю ошалелый влюбленный Игорь сделал ей предложение. К этому времени она уже сама определилась со своим будущим. Она с удовольствием согласилась. Но с одним условием. Он никогда ее не оставит. И заставила его поклясться. Штамп в паспорте был тоже нужен, но важнее была клятва, и он, серьезный, ответственный Игорь – поклялся. Он не оставит ее, ни при каких обстоятельствах, она будет его женой до конца, в горе и радости, беде и болезнях.

После свадьбы она переехала к нему в отдельную 3-комнатную квартиру, которую им подарили родители Игоря.

В свадебное путешествие они были в Париже, 10 дней гуляли по Монмартру, поднимались к замку Сакри Кер, бродили по собору Парижской Богоматери, восхищались полотнами Лувра, фонтанами и парком Версаля. Пройдет 20 лет и Игорь будет считать, что это было единственное счастливое время в его жизни.

Вернувшись из свадебного путешествия, Вера сразу начала расставлять все по местам, которые соответствовали ее вкусам, принципам, нравам и ее характеру. Все вокруг начинало напоминать воронку, в которую втягивалось все, что Верочке требовалось, все завертелось вокруг нее.

Вера не работала, ссылаясь то на болезни, то на недомогания, то на низкую оплату. Она стала толстеть, она все больше погружалась в мир избалованной, красивой, аристократической женщины; дома не готовила, ездила на машине по ресторанам и кафе, по подругам, и вела неторопливые светские беседы.

У Веры оказался скверный характер, она преследовала Игоря упреками, то он не так держит нож за обедом, то от него плохо пахнет, то он поздно приходит домой, то он забывает выносить мусор, то он забыл ей позвонить с работы.

Но спустя 15 лет их совместной жизни, упреки уже казались мелочью, они давно перешли в прямые оскорбления, что он глуп, что он свинья, что он бабник, что он изувер и всю ее измучил, что он негодяй и думает только о себе.

Но Игорь никогда не забывал о данном когда-то слове.

Они давно перестали вместе спать. Она стала толстой, перестала следить за собой, ходила по дому в халате, непрерывно курила, чтобы похудеть и смотрела какие-то американские фильмы. Игорь помнил о своей клятве и молчал, он уже не оправдывался, уже ничего не пытался исправить, он уходил в сад при доме и подолгу возился с кустарниками или цветниками.

Но в 43 года в Верочке стали происходить какие то перемены, началось с того, что она, обычно шумная, говорливая, даже визгливая, как то притихла, стала часто смотреть в окно будто чего-то ожидая, или иногда замирала, будто прислушиваясь к себе; постепенно изменения коснулись и других привычных сторон ее жизни, она стала меньше есть и похудела, стала стройнее, она стала придирчивые к своей одежде, прежде чем выйти из дома, она стала едва ли не ласковой с Игорем и он с удивлением это отмечал и был этому рад.

И чем заметнее были перемены в Вере, тем больше изумлялся Игорь им. Изменения в Верочке стали раскручиваться как бы в обратную сторону, в прошлое, к тому, может быть, пункту, какой она была 20 лет назад: стройной, с тяжелой грудью, с восхищенным взглядом вокруг себя, строгой в диете и одежде, зная, что она красива и умело пользовалась этим знанием.

Но превращения Веры-43 в Веру-23 продолжались и принимали все более выразительные формы, она стала рассеянной, нетерпеливой, иногда срывалась в настоящую Веру, но вместе с тем неуклонно катилась к Вере-23.

Однажды она не пришла ночевать.

Но к этому моменту ее присутствие дома было уже как бы формальным, у нее был отсутствующий взгляд, мыслями была где-то в других краях или мирах, она был рассеяна и какой-то измученной. Игорь старался как можно меньше ее отвлекать, чтобы не вызвать ее гнев. И занимался своими делами, искоса поглядывая на жену.

Однажды ее не было дома 6 дней.

Но Игорь ничего не предпринимал для ее поисков. Уйдя, она оставила на столе записку, чтобы он ее не разыскивал, тем более с помощью полиции, она в гостях.

Наконец она позвонила, сказала что придет, у нее есть разговор с мужем.

Она пришла, веселая, счастливая, все сверкающая, влюбленная, и закружилась по освещенной солнцем комнате. Наконец она успокоилась упала в кресло и посмотрела на мужа, сидевшего на диване и смотревшего на нее изумленными, немного грустными глазами.

– Я хочу подать на развод, Игорь! – сказала она своим низким, мелодичным голосом, который когда-то его просто завораживал как и многое другое в ней. Игорь молчал. Он никогда не забывал про свою клятву. Но сейчас она снимала с него ее?

– Надеюсь, ты не будешь чинить мне препятствия с разводом! – сказала она и сладко потянулась, закинув руки за голову. Улыбка озарила ее лицо. Видно, она вспомнила прошедшие, промелькнувшие дни. Она была просто счастлива, и не скрывала перед мужем своего счастья. Она никогда особенно с ним не считалась, всегда ей было важно то, что она считает лучшим для себя и на этом строилась их семейная жизнь. На другие принципы она бы не согласилась.

Он все еще молчал. 6 дней и 20 лет. Если их бросить на чаши весов, оказывается, их веса были равны! Чего только не бывает в жизни, и даже совершенно неравные величины могут быть вполне сопоставимы.

– Мне важно, чтобы ты была счастлива, Верочка, я как-нибудь переживу. Обо мне не беспокойся. – наконец сказал он, все еще не отводя глаз от жены.

– Спасибо! – беззаботно откликнулась она. – Я и не беспокоюсь. И не о чем меня не спрашивай. Мне сейчас вообще-то некогда объясняться. Мне надо заняться бумагами

– Хорошо! – кивнул он и поднялся с дивана. – пойду в мастерскую.

Через месяц их вызвали в суд и судья торжественно объявила, что с это минуты они не являются больше мужем и женой. К этому времени она жила где-то и Игорь наслаждался одиночеством. Он ожил, стал веселым, много читал, и, бывало, откладывал книгу, смотрел в куда-то в сторону и улыбался.

Улыбался он не напрасно.

Не прошло и трех дней после решения суда о разводе как внезапно зазвонил телефон. Это была Вера. Ее голос был необычным, он дрожал. Такого голоса у самоуверенной, наглой, аристократической Веры не было никогда. Он просилась назад. Она взывала к его любви к ней. Она признавала, что часто была несправедлива к нему. Этот подлец, в которого она была влюблена, оказывается, ее бросил. Попросил освободить квартиру. Он выкинул ее на улицу. Она напомнила Игорю о его клятве, что он не оставит ее, ни при каких обстоятельствах, она будет его женой до конца, в горе и радости, беде и болезнях.

Он улыбнулся и положил трубку. Клятву он давал жене, а не посторонней женщине. Потом он позвонил по другому номеру и сказал

– Спасибо, Сережа, век не забуду, что избавил меня.

– Ну что ты, Игорь, – прогудел в трубку мужской баритон, – я еще не забыл, как мы с тобой пацанами, за сараем, сидя на бревнах, дали страшную клятву сохранить нашу дружбу навек, быть всегда вместе, помогать друг другу, и в радости и в горе, болезнях и беде.

Gotha, 1.3.18

Не встреченная любовь

В тот вечер, когда она родилась и сделала первый свой вздох в родильном отделении клиники «Гелиос» чудесного города Вюрцбурга, ее будущий, идеальный, близкий по духу, подобный ей по существу, шестилетний Александр сидел за на ковре в своей детской комнате на верхнем этаже большого трехэтажного дома в районе Шарлоттенбург столичного Берлина.

Свою первую в жизни комнату он поддерживал в строгом порядке, перед сном раскладывал все игрушки по коробкам и полкам и только потом отправлялся спать. Эта любовь к порядку, рано в нем проявившаяся, станет одной из его характерных свойств в будущем.

В эту минуту тихого летнего теплого вечера, когда родилась его родная душа в далеком Вюрцбурге, он сидел на ковре своей комнатки в Берлине и листал в большой цветной книжке сказок братьев Гримм; мама часто читала ему перед сном и многие сказки он знал наизусть. Когда он доходил до сказки «Хензель и Гретель», то с заметным удовольствием разглядывал картинки и даже с легкой улыбкой на лице бормотал про себя так нравившееся ему имя сказочной героини, маленькой хорошенькой Гретель, которая своей хитростью спасла своего братишку и себя от злой ведьмы. Спасение, которое пришло от хитрой выдумки Гретель, потрясло его детское воображение. Дети были спасены, старая ведьма сгорела в печи, добро победило, зло наказано. Это было торжество порядка и справедливости. Маленький Александр еще не мыслил такими понятиями, но этот исход сказки ему очень нравился; это значило, что в его душе уже были какие-то полочки, на которых можно было разложить Зло и Справедливость.

С первых часов своей жизни, когда маленькая Гретхен просыпалась и начинала беспокойно двигаться, искала тоненькими губками материнскую грудь, то, найдя ее, жадно припадала к ней; ее напряженное, готовое расплакаться личико разглаживалось. Почувствовав во рту теплое сладкое молочко, ручонки охватывали теплую сочную материнскую грудь, и цепко держались за нее. Эти ощущение тепла, полноты, защищенности, удовлетворения, исходившие от груди матери, проникали так далеко в ее маленькое тело, в ее маленькую, еще ничего не осознающую душу, что позже, подрастая и отвыкнув от груди, она невольно будет искать во внешнем мире те предметы, или тех людей, от которых могут исходить эти ощущения, ощущение спокойствия, защищенности, доброты...

Из этих чувств, которые пришли к ней от прикосновений к материнской груди, и сладкого теплого, сочного молочка, от мира, от которого исходит тепло, защищенность и нежность, в ней вырастет и разовьется представление о прекрасном, надежном, теплом мире; этот мир, эту защищенность и тепло она впоследствии, повзрослев, будет искать в мужчинах, но этот мир она сможет найти у своей родственной души, своего предназначенного только ей мужа, который сейчас уже создавал его своими руками в своей комнате в Берлине через любовь к порядку, через различение добра и зла, через справедливость. Если он ей когда-нибудь встретится...

Через несколько дней, когда новорожденная уже настойчиво искала вытянутыми губками и уверенно брала материнскую полную грудь, молодые родители объявили ее имя, которое они долго держали в тайне до ее рождения, – Гретхен фон Вагнер.

С этого мгновения, когда родилась маленькая Гретхен, началось их невидимое, недвижимое сближение с Александром; они направились навстречу друг другу, ничего об этом сближении не зная; это было сближение нарождавшимися привычками, свойствами характера, трепетом души, общностью вкусов и представлений. Они сближались, живя каждый в своем городе, не встречаясь, не трогаясь с места, ничего не зная друг о друге; они сближались свойствами души, чертами характера, представлениями, вкусами, нравом, жизнерадостностью, ценностями. Они были природой и духом предназначены друг другу, все говорило за то, что,

если они встретятся, они сразу узнают друг друга, как рыбак узнает рыбака, они будут счастливы, как люди, нашедшие себя в другом.

Уже учась в гимназии, и начиная невольно интересоваться мальчишками, Гретхен заметила, что в мире много *похожих* на него, Александра, на ее мечту, на тот образ, который у нее сложился за сезон детства – сезона посевов в душе всего лучшего, всего чистого, верного, устойчивого; их легко спутать, принять одного за другого и, конечно, она ошибалась, принимала других за него и влюблялась наивно, серьезно и навсегда. Каждый раз в первое мгновение вздрагивало сердце от мысли, что это он, и только позже, иногда быстро, иногда через длительное время, убеждалась, что это все таки была ошибка.

Но чаще всего она сразу видела, что юноша не тот, ей не подходит, он чужой. Чужих было больше всего вокруг нее, иной раз было достаточно одного взгляда, чтобы это понять, иной раз достаточно было с ним поговорить, или просто послушает его речь, или узнать темы разговора, иной раз достаточно было почувствовать его запах. Сколько чужих людей! Но откуда она знала, что этот или тот – чужие, не ее люди, не для нее? Как она это определяла? Она не знала, и не могла бы себе ответить на этот вопрос, если бы себе его задала, но она знала! Иной раз казалось, что вокруг все чужие, и не найти ей своего "Александра", она стала понимать, что встретить своего мужчину, это редкость, подобная тому, чтобы найти на дне моря жемчужину.

Ее влюбленности оказывались бесплодными, из них не завязывалась, не развивалась, не произрастала любовь; это были погибшие, не взошедшие семена...

Но реальность окажется еще суровее. Еще печальнее...

В последний год института, когда с трепетом думала, что встретила свою любовь, она вышла первый раз замуж. Этот брак был настолько неудачным, что продолжался только шесть лет и оставил после себя глубочайшее разочарование и долгое охлаждение к новым поискам и встречам. От этого брака родился сын и он был ее единственным дорогим и памятным, что оставил после себя этот брак. Любовь не пришла, осталось только ожидание любви и ее сходство с настоящей любовью, мужчина рядом с ней не был ее настоящим, родным, единственным, и потому не мог дать ей настоящую любовь. Ее мог дать только Александр. Если они встретятся.

Но он в это время был в Швейцарии, где работал в аптеке после окончания университета, был женат и с изумлением, тоской и недоумением наблюдал за распадом своей семьи. Его брак был неудачным, несчастным, принесшим обоим потрясение странной необъяснимой необходимостью жить вместе двум чужим людям, и в этом браке было больше жалости и благородства с его стороны, чем истинной искренней любви.

Спустя долгое время была у 52 -летней Гретхен еще одна встреча, которую она снова приняла за встречу с ним, Александром, и вторично вышла замуж, но и он не затронул ее сердце, не унес ее в тот мир, который ей открылся с молоком матери, и через 3 года брак спокойной прекратил существование. После этого она вовсе охладела к мужчинам и успокоилась.

Она умерла в Италии в возрасте 76 лет в кругу сына и 3 внуков.

Для ее Александра весь последний период жизни был мучительный поиск и глубокое разочарование. Он скончался десятью годами раньше от инфаркта в Швейцарии в своем доме в глубоком одиночестве.

Каждый из них прожил свою жизнь только какой-то частью себя; так и не встретив своей самой большой, самой лучшей, самой полной своей любви, и потому эта жизнь была не полной, в ней не проходила чувство неудовлетворенности, томления, недовольства, глубокой грусти и безнадежного одиночества.

Они не встретились в этой жизни; поиск своей второй половинки завершился безрезультатно, трагически для духа, безрадостно для любви. Посеянные детством, возвращенные юностью, взлелеянные молодостью плодородные деревья осыпались; ненужные, не востребуемые плоды остались лежать под деревом жизни, в которой не было любви...

Исповедь ведьмы

Ведьмами не рождаются, ими становятся; более того, их ведьмам делают! Кто? Да все: и люди, и родня, и обстоятельства, и жизнь! Все женщины рождаются ангелами, чудесными, маленькими, прекрасными ангелочками, чистыми и наивными, с голубыми глазами, которыми они восхищенно смотрят на расстилающийся перед ними мир. Это потом эти невинные голубые глазки нальются кровью и потускнеют, это потом они засверкают ненавистью и злобой, – когда ее сделают ведьмой; в этом смысле ведьма – это бывший ангел. Я чувствую, я превращаюсь в ведьму, мне не повезло в жизни встретить своего мужчину. Ни одного! Вот и мне, как Бабе –Яге, никогда не быть замужем.

Я книги не читаю, только редко и некоторые. Могу прочитать книжку про линию высоковольтной передачи, это может пригодиться, все-таки высокое напряжение идет по проводам и может произойти короткое замыкание, и тогда ясно, что делать. Такие книги полезны. Или про садовую дорожку, как ее правильно устроить и проложить под нее водопровод. Если вода убегает, то знаешь почему и куда. Такой водопровод под дорожкой не сопрут, чтобы сдать как цветной металл. Прошлой осенью мой водопровод разобрали и унесли, поливаю теперь из шланга, всякий раз его надо разложить, а потом снова скатать и спрятать. И книги про любовь я не читаю, что мне толку от чужой любви? Эти переживания меня не трогают, ничего мне не дают, а расстраиваться не хочу. Любовь лучше не книжная, а живая, реальная, когда мужчина в доме и от него есть польза и тепло. Эту любовь я понимаю. Не читаю также никакие книги про убийства, боже упаси. Эти детективы. Как можно спокойно писать про убийства, и смаковать все подробности? Мне даже курицу зарезать жалко, прошу соседа, хотя потом от него натерпиться намеков на земную любовь.

Если я прочитаю книжку про философию, допустим, Гегеля, то я не понимаю, о чем он пишет. И хорошо, что не понимаю. Если бы поняла, наверное мне стало бы тошно. Как можно рассуждать ни о чем, думать так сложно о простом. У меня другие заботы, чем разбираться в Гегеле, мне надо ехать за город за 20 км поливать огород и потом к матери в больницу, дать немножко нянькам, чтобы присмотрели за ней, пока я на огороде. А философия не отвечает ни на один вопрос, который задает мне жизнь. Те же мужчины. Где их взять, чтобы хотя бы один из них приволок большой камень и положил у края огорода, чтобы другие на своих грузовиках при развороте не заезжали на него. Своими руками вырыла яму и вкопала к нему заднее колесо от комбайна. Мать уже плоха, ей надо уход и хорошее питание; все-таки когда за 80, здоровье сильно падает...

Книги для меня не играют никакой роли. Когда я захожу в книжный магазин, чтобы купить открытку с днем рождения подружки или какую-нибудь траурную на похороны родственника, то у меня кружится голова. Сколько написано книг. Что это за люди, думаю я, которые это пишут? Кто эти люди, которые это читают? У них, видать, нет ни огорода, ни старой матери, ни соседа-распутника, и деньги у них откуда-то водятся.

Сосед держит меня за дуру, но он меня не знает, потому что у него одно на уме, а было бы другое – по другому бы смотрел. Прочитала на днях книжку про отношения мужчин и женщин, умные рассуждения психолога. Как раз было ужасно холодно на дворе, бросила книгу в печку, хоть польза от тепла. Закрыла дверку и думаю, почему я одна, почему отношения мои словно какой-то злой изверг, словно нарочно, обрывал в самом их рассвете, и как в насмешку, именно накануне свадьбы.?

Вот был парень, дружили, целовались почти год. Предложил замуж. Подали документы. Завтра идти в ЗАГС, а его сегодня арестовали. Оказывается, он где-то промышлял, воровал, продавал краденное, а я ничего не замечала, ходила, как дура, ослепленная влюбленностью. Потом долго никого не было, но лет через 5 появился на огороде рядом с моим новый бедняк,

а как его еще назвать, которому нужен огород, чтобы питаться с грядки? Те, у кого есть деньги, идут в магазин, и не стоят в наклонку под солнцем и дождем, и не теряют время. Вот с ним разговорилась, потом стали целоваться и так длилось 6 месяцев, подали документы в ЗАГС, а за 3 дня до бракосочетания он сбежал, бросил невесту, и даже огород не пожалел, бросил, он потом зарос бурьяном...

Незадолго до моего пятидесятилетия стала жить с одним, живем месяц, пошел другой, решила уже без брака хоть поживу с мужчиной, но, вижу, он пристроился, еще беднее меня, ничего не делает, огорода чурается, все больше на диване у телевизора, хотя он у меня старый, ламповый. Отметила с ним вечером мой день рождения, все таки 50 лет, круглая дата, юбилей. Мой сожитель принес букетик полевых цветов, нарвал где-то за сараем. Ладно. Купила бутылку водки, выпили по стаканчику, остальное он вылакал. На другой день подняла я его, одела, открыла калитку на все 4 стороны. Гуляй, Вася!

Мне сейчас уже 58, но мало что изменилось, мать умерла, царство ей небесное, отлучилась, денег нет, я все пашу на огороде, выдергиваю сорняки, а душа, чувствую, сорняком зарастает...

Щепка

Плывет по реке щепка, у нее ни весел, ни паруса, ни мотора, гонит ее ветер, несет ее течение... куда принесет? К какому берегу прибьет? Она не знает. Ветер и течение – ее судьба. Проплывают мимо нее берега, то высокие, то заливные, то поросшие камышом до самой середины, то голые, обрывистые... Понравился ей один берег, такой весь видный из себя, такой породистый, степенный, высокий, с уютными домиками, с садами, церковью на холме, с коровами у отмели... пристала бы она к этому берегу, пожила бы у его подножия, полюбовалась видами и его спокойствием и защитой от ветра... но пронес ее поток дальше, не спросил ее, чего она хочет и проплыл мимо полюбившийся ей берег, и вскоре скрылся из глаз, а щепка все еще не могла поверить, что больше никогда не увидит его, все еще стоял он, красивый, высокий, у нее перед глазами, но не было у нее ни паруса, ни весел, чтобы самой решать, что ей нравится, и делать и плыть куда она хочет, и ни от кого не зависеть...

Только мечтать о таком живописном, замечательном берегу!

В одном месте завертел ее водоворот, и долго кружил ее вокруг невидимой оси, стало ей плохо, тоскливо; совершенно беспомощно мотало ее по краю воронки, чуть не затянул в самую середину, на дно, в бездну, но что она могла сделать, без паруса, и без весел, только смиренно полагаться на судьбу...

Она порой с ужасом представляла себя лодкой, не дай бог было бы ею родиться! Лодке положены весла, или парус, или даже мотор! Но – главное – *лодка должна что-то делать!* Она всегда в движении, всегда выполняет какие-то задачи – то ли переводит грузы, то ли людей, снует от одного берега к другому, по одному или немного разным маршрутам... И постоянно думает, соизмеряет каждый свой шаг с целью, мнениями окружающих, их критикой, их похвалой, их недовольством! Зачем все это простой щепке?!

Лодка полна желаний, ибо имеет возможность их осуществить, например на утренней зорьке в тихой заводи половить карасей или шук, причалить к крутому утесу и понежиться в его тиши и прохладе, уйти в открытое море и поспорить в мощи с изумрудными волнами, покачаться на их крутизне, бросить вызов страху смерти!

Лодка презирает пустые мечтания, она полна сил и желаний добиваться желанного!

Действовать, – это означает выходить на улицу, изменять события, влиять на людей, преобразовывать предметы, преодолевать страхи, укреплять дух, лгать и лицемерить, нести ответственность за слова и дела, заботиться о семье... Действовать – это значит забыть о мечтах. Действовать – это значит чаще всего не быть собой. Только в мечте человек истинный, каким он хочет быть. Но разве реальность позволит ему это – быть собой?

Щепка ни на что не влияет. И ничто не влияет на нее. Потому она никому не нужна, что ей никто не нужен. И это замечательно! Душа щепки не страдает, как страдает душа лодки от каждого соприкосновения с реальностью: с скалистым берегом, с грубыми людьми, с тяжелым грузом, с встречным течением, с нехваткой времени съездить в театр или на концерт...

Ее можно рассматривать как мусор, ненужный хлам, отбросы жизни, который только следует собрать, вывести на свалку, и сжечь в огне, очистить внешнюю жизнь, полную изменений, свершений, энергий, действий, людей... Да, полной людей, не имеющих мечтать. Людей, не могущих быть самими собой. Людей, которые требуются для действия, изменений, свершений, защиты, нападения...

Нет, эту жизнь, полную движения, обдуманых или стихийных поступков, тревог, забот, горьких размышлений, стресса, неопределенности, *ответственности*, страхов, страстных желаний и горечи разочарований... щепка с негодованием отвергала!

Она мечтала о жизни без страстей, проводить ее за чтением романов, приятного спокойного сна, не входя ни в деловые, ни любовные, ни авантюрные отношения; о жизни без чувств,

но в мыслях о чувствах, о любви; о жизни без мыслей, но в чувствах о высоких мыслях и благородных поступках; ничего не требовать от жизни, и ничего не ждать. Без цели и тяжелого груза на слабых плечах...

Втянуть себя в водоворот событий – это было бы для щепки уж слишком, нет, только подальше от водоворота!

Как хорошо быть щепкой, думала щепка, застряв в камышах, не надо думать, ибо мысли должны анализировать проблему, искать решения по ее устранению, и так всю жизнь, не надо желать, ибо желания надо осуществлять: напрягаться, куда-то бежать, что-то делать ради них! Остается щепке только мечтать! О, мечтания! Они такие прекрасные, милые, экзотические...это целый мир, мир грез и видений и ...спокойных снов.

В чем моя жизнь, думала она? Плыть по воле волн, течения? Лишенная весел, паруса, мотора, она была лишена возможности заходить в порты, сходить на берег, выпить с кораблями и баркасами, а может даже, крейсерами, кружку пива...

Крупный выигрыш

Она моментально почувствовала, что получила крупный выигрыш, когда познакомилась с Павлом; жизнь – это лотерея, а состоятельный мужчина, – это счастливый билет. При встрече Павел выглядел отлично, молодой, с зачесанными назад темными волосами, приятным лицом, одетым с иголочки; на нем был серый костюм, коричневый галстук и черные начищенные до блеска туфли. Он только что с отличием закончил юридический факультет и перенял от отца, тоже юриста, его канцелярию вместе с многолетними клиентами. Отец, несмотря на свои 53 года, был очень большим человеком и был бесконечно рад тому, что сын получил образование и перенял семейное дело.

Павел сразу в нее влюбился.

И не случайно. Она была высокой, стройной, с темными ресницами над карими большими глазами, с полными губами, начитанной достаточно, чтобы понимать жизнь с тех ее сторон, которых надо сторониться. И прежде всего бедности. Бедняк не живет, а существует. Жить человек начинает с денег. Качество жизни прямо пропорционально количеству денег, считала она. И потому, чтобы встретить состоятельного мужчину надо было хорошо выглядеть, иметь хорошую фигуру и следить за собой, не опускаться, как многие другие женщины. Косметика, уход за волосами, за телом были для Нади важнейшими правилами.

У Павла было блестящее будущее. Надя это замечала во всех проявлениях его самого и его окружения. Он как-то взял ее с собой в юридическую канцелярию, где он вел прием клиентов, и она огляделась.; помещение было светлым и просторным, этот эффект света достигался за счет изысканного стеклянного письменного стола; стены, оклеенной фото – обоями с видами березового леса с полянками; книжной полки из сосны на все стену до потолка с художественной и справочной литературой. Наде было понятно, что если канцелярия выглядела солидно и богато, то ее будущая жизнь будет выглядеть еще лучше.

Он жил в большой двухэтажном доме с большим садом вокруг него.

Она стала ждать предложения руки и сердца, видя, что Павел всерьез в нее влюблен и смотрит на нее замороженными, восторженными глазами. И когда он однажды на вечеринке у своего друга в саду летним вечером сделал ей предложение и открыл маленькую коробочку с двумя золотыми обручальными кольцами на бархатном фоне, она царственно кивнула в знак согласия.

Она была старше Павла на 6 лет.

Теперь она могла распоряжаться крупным выигрышем по своему усмотрению.

И она зажила в свое удовольствие; она не работала, зачем? Работают ради денег, а их было достаточно, детей не было, и без них было хорошо, она много путешествовала, подолгу, переезжала из одного города в другой, из одной страны в другую, она дорого одевалась и продолжала следить за собой; дорогая косметика и дорогие наряды дополняли ее усилия. Она была жадной до впечатлений, до новизны, до обожания себя, до мужчин. Они были везде и как бы сопровождали ее в путешествии, куда бы она не поехала, но каждый раз это были разные, но всегда восхищенные ее красотой, фигурой, манерами, пламенем в постели. Не рожая, не работая, она не старела. Но заметно тупела, не читая книг, не интересуясь искусством; жизнь внешняя была настолько богата и привлекательна, что на жизнь внутреннюю не было времени, да и требовала усилий. А внешняя текла, словно поток и увлекала ее все дальше от мужа, забот, усилий. И в этом она была вся своя.

Павлу исполнилось 54 года и он внезапно, во время приема клиента, потерял сознание, и больше не приходил в себя, через два дня он умер в больнице; он унаследовал болезнь отца, сифилис мозга.

Надя была в это время в Риме, у нее был как раз горячий роман с одним пылким черно-волосым молодым итальянцем. О Павле она почти забыла. Он только напоминал о себе, когда присылал ей деньги. Но кто пришлет теперь деньги, мелькнуло у нее в ужасе, и она вскочила с постели. Она наскоро собралась и поехала домой. Дом был опечатан. Она позвонила нотариусу. Нотариус попросил ее приехать и зачитал завещание умершего. Все имущество и сбережения были завешаны племяннице мужа Верочке.

– А моя доля в имуществе, как жене? – вскричала Надя.

– Брачный контракт был составлен грамотным юристом, каким Павел был, в нем сказано, что жена не может претендовать ни на его имущество, ни на его сбережения. Она пользуется только тем, что он предоставляет ей со своего согласия. Но после его смерти его согласия больше нет.

Надя в свои 60 лет осталась ни с чем.

Gotha, 13.3.18

Не

Не прожаренное мясо
невкусно.
Неразвитый человек
неинтересен.
Незаконченная картина
не впечатляет.
Недопитая бутылка
не насыщает.
Непрочитанная книга
не развивает.
Неважное кино
раздражает.
Некрасивое лицо
отпугивает.
Не взошедшее солнце
страшит.
Нерадивый начальник
смешит.
Не влюбленная женщина
несчастлива

Но однажды!

Мясо прожарится,
Цветок распухнет,
Бутылка опустеет,
Начальник поумнеет,
Солнце взойдет,
Девчонка расцветет,
Любовь снизойдет,
Туман рассеется.

Голод

– Вот тут вчера вечером лежал большой кусок мяса!

Он повернулся к жене, откинул одеяло и пальцем показал то место в животе, где, по его мнению, еще вчера лежал большой кусок мяса.

– Теперь его нет, посмотри, пустое место! Вот он исчез, – продолжал он задумчиво, – освободил место, теперь там дыра, пропасть. А не далее как вчера я его ел и уже не мог, пере-силивал себя и думал.. ну, на неделю должно хватить, ну, на три дня точно, а вот, оказыва-ется, нет, уже место освободилось... для новых сочных больших и малых кусков... А ведь какой большой кусок был! Как странно!

– Ты намекаешь, что я должна встать и приготовить завтрак? – спросила жена, не открыв-ая сонных глаз

– Да, может быть и неплохо было бы, перекусить, но я просто удивляюсь! Как быстро исчезают такие, казалось бы большие куски и как плотно он там лежал, хорошо помню, а сейчас там пусто, как в пещере... Да, вот как устроена жизнь, ее наполняешь, наполняешь, а в ней кругом только потери и прорехи... А если теряется, исчезает, то снова надо наполнять, как постоянно пустеющую, дырявую бочку.. Вот женщины, они приходят ненадолго, заполняют прорехи и потом теряются в дали...

– Какие женщины? – пробормотала жена сквозь дрему.

– Ах, это только пример... текучести жизни! Жизнь течет туда, где низкое место, или дыра, или впадина, прореха. Но самый лучший пример, – деньги! Они приходят тяжело, словно на костылях, а убегают со скоростью чемпиона мира по легкой атлетике! Вот также как с боль-шим куском мяса, который я вчера съел, а как плотно лежал! Да, получишь зарплату, думаешь, ах, какая толстая пачка, как приятно ощущаешь ее толщину, а завтра уже ее нет, пустое место, дыра, пропасть! Не есть ли наша жизнь, в сущности, дырявая бочка, которую надо непрерывно наполнять? Не для этого ли мы пришли в этот мир? И в самом деле, моя дорогая, посмотри, вокруг все люди только тем и занимаются, что наполняют и наполняют себя едой и питьем, женщинами, впечатлениями, деньгами, домами, ощущениями, и все мало и мало, и всегда их не хватает. Чертовщина какая-то! Не есть ли наша жизнь вечная погоня за исчезающим, за преходящим? Карусель! Как ты считаешь?

Жена что-то пробормотала сквозь сон.

– Будь моя воля, – продолжал он, – я бы не стал есть каждый день. Более того! Я бы не ел неделями. Сколько времени можно сэкономить, сколько денег. Но, человек неволен себе! В сущности, он ничего не может, все расписано до него, таким он создан. Я бы человека создал другим, похожим, к примеру, на кактус. Он почти не ест и не пьет, но живет сто лет...

– Пойду, пожалуй, приготовлю что-нибудь поесть, иначе ты не успокоишься! – сказала жена, поднимаясь с теплой постели. – Ничто так не заставляет человека думать, как голод...

Хорошие мужчины

Катя, среднего роста, немного полноватая, красивая, с яркими губами и густыми волосами вошла в гостиную, бросила взгляд на стенные большие часы, затем на мужа, лежавшего с газетой на диване, и едва не ахнула:

– Сережа, тебе ведь надо выходить скоро! Опоздаешь! Тебе же еще собираться!

– Успею! – пробурчал муж, высокий, плотный, с короткими светлыми волосами и крупными чертами лица, в пижаме и домашних папках на босу ногу.

– Нет, нет, вставай немедленно, я не хочу, чтобы ты опоздал хоть на минутку. Это неуважение к человеку! Я ненавижу этих опозданий и оправданий, всю эту необязательность! Что ты оденешь? Какую рубашку?

– Ту серую с длинным рукавом, – отозвался муж и стал лениво подниматься с дивана.

– Ни в коем случае! – энергично заявила жена, – ты в ней прошлый раз выходил, надо сменить рубашку. Я тебе поглажу сейчас быстренько голубую с коротким рукавом, на улице тепло, она будет лучше, чем серая, она тебе больше идет.

– Ладно. Давай быстрее с глаженьем, опять будешь возиться, а мне в самом деле пора!

Он поднялся, потянулся, отложил газету и побрел в ванную бриться. Когда он вышел, гладко выбритый и надушенный туалетной водой «Кевин Кляйн», жена была уже готова с рубашкой и рядом с диваном стояли вычищенные черные туфли, даже коричневые штаны были также выглажены и висели на плечиках в шкафу.

Он не спеша оделся, поглядывая на себя с довольным видом в большое трюмо, причесался, погладил свои розовые пышущие здоровьем щеки, усмехнулся про себе и оглянулся на жену, которая придирчиво следила за его одеванием и была кажется тоже довольна его цветущим видом и одеждой, которая ему шла; он прекрасно выглядел; одежда сидела на его крупном ладном теле великолепно!

– Ой, опаздываешь! – снова забеспокоилась жена, бросив взгляд снова на часы, – поторопись!

– Успею! – снова отмахнулся муж, – не к шефу на ковер! Вот туда надо бегом, он у нас строгий!

Наконец, муж был готов к выходу, жена чмокнула его в щеку, стерла рукой помаду и подтолкнула к двери.

Через несколько минут он входил в подъезд соседнего дома, поднялся на третий этаж и позвонил в дверь. Ему открыла молодая женщина лет 35, цветущая, маленькая, с тяжелой грудью, высокой прической темных волос на красивой голове. Он прошел в прихожую, закрыл за собой дверь, и молодая женщина повисла у него на шее.

– Здравствуй, мой дорогой! – проворковала она, целуя его в ту же щеку, что и жена перед его выходом, – я уже тебя заждаюсь! Вечно ты опаздываешь!

– Не сердись, моя девочка! – улыбнулся он и погладил ее по спине. – я же вот перед тобой!

– А жена не догадывается, что ты ко мне ходишь?! Не следит за тобой?

– Она все знает про тебя! – спокойно ответил он.

– Как это – знает? Ой, мне плохо! Это ведь ужасно! Она ведь может тебя бросить!

– Не волнуйся, моя девочка! Никуда она не денется! – самодовольно усмехнулся он, – хорошими мужиками не бросаются!

Gotha, den 14.3.18

162 59 Анкета для ищущих квартиру в наем

Есть ли у Вас инфекционные болезни, какие? Перечислить.

Занимаетесь ли вы опасными видами спорта? Какими? Перечислить.

Были ли в Вашем роду родственники, страдающие шизофренией? Перечислить всех до седьмого колена.

Были ли приводы в полицию? По какому поводу? Все случаи перечислить.

Занимаетесь ли политической деятельностью? Какой?

В каких партиях состояли раньше? Перечислить.

Есть ли у Вас друзья в Америке, перечислить. Назвать имена и адреса.

Есть ли родственники на Украине? Назвать адреса, явки и пароли.

Есть ли у Вас женщины (кроме жены)? Перечислить имена, возраст и место жительства.

Готовы ли Вы оплатить квартплату за год вперед?

Скрежете ли во сне зубами?

Употребляете ли алкоголь? В каком количестве? Литры. Бутылки. Указать.

Умеете ли манипулировать электрическим счетчиком? Если да, то каким способом.

Как Вы относитесь к клопам, блохам, тараканам? Смущают?

Смотрите ли по ночам порно? Возбуждает?

Как Вы относитесь в Путину? А к Жириновскому? Указать спокойно, «хорошо» или «плохо».

Яблоко

На краю небольшой деревушки в нескольких шагах от проселочной пыльной дороги в ряду других стояла старая яблоня; она осталась каким-то чудом в живых; другие ее сверстницы, когда-то посаженные вдоль дороги и дававшие густую тень и сочные красные яблоки всем путникам и всадникам, давно состарились и высохли; от одних сохранились только корявые стволы с жидкой листвой, от других – лишь воспоминания. Но эта старая яблоня была полна сил и еще плодоносила, хотя и не так мощно, как в былые времена. Она была похожа на иных стариков, особенно старух, древних, изможденных, высохших, но бодро ковыляющих по земле, словно время, эта старящая сила, забывает них и, убежав вперед, в изумлении оглядывается и видит все еще плетущегося следом за ним человека...

Но к этому пригожему теплему осеннему дню на ней оставались немного яблок; многие уже не выдержали собственной спелости и тяжело попадали вниз. Среди оставшихся выделялось одно удивительное яблоко, оно было странным, оно непрерывно глядело на дорогу, словно ждало кого-то, было беспокойно и часто с опаской поглядывало вниз. Но не высоты оно боялось; там, внизу под деревом лежали его товарищи по сезону, опавшие и уже начинавшие гнить; они источали приторный мерзкий дух гнилья. Гниение! Что же может быть отвратительнее? Сгнить, превратиться в бесформенное, жалкое, дурно пахнущее месиво. Нет! Лучше быть съеденным, утолить чей-то голод, доставить кому-нибудь наслаждение! Путника, или всадника, или обоза ждало оно, это удивительное яблоко, поглядывая на дорогу! Того, ради которого оно завязалось, цвело, созревало, наливалось красотой и сладостью! Будто не все равно, как прожить жизнь, для чего жить и как ее завершить. Есть ли разница – упасть и сгнить или быть съеденным, сваренным в желе. Разве жизнь в виде варенья – это жизнь? Продолжение жизни?

Нет, непременно возвышенно, достойно хотело оно, это странное красивое яблоко, завершить свой вегетационный жизненный путь! Отдать все соки до последней капли, утолить чью-то жажду, насытить путника – в этом оно видело достойное, почетное завершение своей жизни. Радостной, мученической смертью хотело оно подвести под ней черту. Это все таки лучше, чем лежать *без пользы* под деревом или в братской компостной яме, гнить и вонять отвратительным трупным запахом.

Вот именно – без пользы!

Внезапно яблоко увидело путника на пыльной дороге и его яблочное сердце остановилось! Это был веселый молодой человек с рюкзаком за плечами, загорелый и бодрый. Похоже сама судьба направила его ноги к спелому яблоку! Путник тоже увидел раскидистую яблоню у дороги, красные сочные яблоки на ней, увидел, конечно, это краснобокое с рыжими подпалинами сочное прекрасное яблоко с прохладной бархатистой кожицей, и глаза его заблестели!

Яблоко не верило своему счастью. Неужели он сейчас подойдет, протянет руку, раскроет широкий рот и вонзят крепкие острые зубы в сочную, хрупкую, изумительную мякоть. Ах! И каждый кусочек его прохладного сочного тела, облитый смачной, вязкой слюной растает в блаженной истоме в бесстрастном растворе соляной кислоты его желудка. О! А затем, освобожденные от жесткой целлюлозы, его питательные вещества, его витамины и минеральные соли, его сахара и фруктоза разнесутся кровью по бесконечным лабиринтам его души, вгрызутся в человеческую плоть, вопьются своими острыми зубками в его интеллект. Потрясающе! Витамины и минеральные соли, яблочная кислота и фруктоза – они, добравшись до самой сущности человека, овладеют его мыслями и чувствами, они направят его на самую лучшую дорогу, к его истокам, в Рай, где цвели сады и зрели плоды мудрости, и в самом центре чудесного сада стояло дерево, дерево познания добра и зла, дерево, усыпанное райскими яблоками. Вот куда бы направили путника его витамины и углеводы, – на закладку нового Рая, на закладку цветущего сада мудрости жизни! На самую высокую яблочную высоту подняло бы это яблоко

своими соками и фруктозой человека... Да, да, вот именно! И оттуда, от сада мудрости, снова устремился бы человек в дорогу, но уже по новой дороге, по пути познания добра и зла. Человеку так не хватает мудрости на его коротком веку! Не успевает набраться.

Вот какая цель, на самом деле, была у этого прекрасного яблока, вот в чем состоял бы последний аккорд его жизни, ее лебединая песнь. Ах, яблочные мечты, вот в чем ваша сладость!

Не было ничего удивительного в том, что это яблоко думало о себе свысока. Ни одно растение, ни одно животное не может похвалиться такой родословной, как яблоко, ибо ведет оно свой род от райских яблочек в саду у самого господина Бога. У кого история рода более славная, чем у яблока? Хотя, конечно, без скандала на весь мир не обошлось, но яблоко здесь ни при чем, это все Ева! Нет, это яблоко имело все основания считать себя исключительным в своем роде!

Если говорить правду, то не только яблоки, но все растения, животные, предметы и явления, какими бы маленькими, мелким или ничтожными они не были, всегда думают о себе исключительно свысока. А в особенности человек. Да что говорить о яблоке или человеке, когда любое стихотворение или поэма считают себя гениальными и вечно зелеными, а взять, к примеру, окно, оно считает себя самым нужным и необходимым предметом на свете; да, да, самым важным предметом на свете! Да кто бы спорил? В самом деле, как бы знал человек, что происходит на улице, если бы не было окна?

Яблоко зажмурилось от радости, чувствуя всем краснобоким телом как приближается вершина его существования. Путник приближался, и приближалось светлое мгновение; ради этого мгновения, ради этого долгожданного счастливого мгновения оно росло, завязывалось, терпело заморозки и порывы ледяного переменчивого апрельского ветра...

Мгновение шло за мгновением...

Когда янтарное чудесное сочное яблоко открыло глаза, то оно увидело к своему ужасу, что путник прошел уже мимо, он стоял на краю деревеньки и разговаривал с какой-то краснолицой девицей, поджидавшей его у дороги. Она смущалась и краснела, она была счастлива. Ее кожица – платьице трещало от бродивших соков спелости. Уж не задумала ли она отдать ему свои соки, не ожидает ли она страстно быть испитой, чтобы проникнуть в путника через его плоть, разнести кровь по всей душе, завладеть интеллектом и направить путника к самым его истокам, в рай, к грехопадению?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.